

—

Цзян Хэн спрятался в кустах. Сквозь переплетенные ветви он увидел удаляющиеся фигуры непослушных детей с палками.

Он тихонько вздохнул с облегчением, выбрался из кустов, открыл рот, чтобы выплюнуть песок, который неизвестно когда попал ему в рот, и краем глаза увидел медленно отъезжающий автобус.

Автобус был новым и чистым, очень заметным среди грузовиков, что заставило его невольно взглянуть на него еще несколько раз, но через несколько секунд автобус исчез за поворотом.

Он отвел взгляд и направился обратно.

В цветочной клумбе белый кот и рыжий кот уже встретились. Белый кот рассказывал рыжему коту о сегодняшних событиях.

«В том месте было так много людей, я никогда не видел столько людей, и один двуногий смотрел на меня, этот двуногий был довольно красивым...»

Он обернулся и увидел Цзян Хэна, покрытого грязью.

Если бы не запах его босса, белый кот не поверил бы, что это он.

«Босс, что с тобой?»

Цзян Хэн бесцеремонно разлегся на земле, махнул хвостом, и на траве тут же разлетелось несколько капель грязи.

«Ничего, снова встретил этих непослушных детей».

Были выходные, и эти непослушные дети не ходили в школу, бродя по улицам, Цзян Хэн был невезуч, и они на него наткнулись.

«Вы не представляете, насколько опасной была ситуация, я был здесь, а эти непослушные дети были всего в полуметре от меня...»

Боясь, что два кота не поймут, что такое полметра, Цзян Хэн поднялся и сделал несколько шагов вперед: «Вот так близко, они могли дотянуться до меня одним движением руки».

Его голос был выразительным, как у рассказчика: «Тогда небо потемнело, гром гремел, а эти злодеи с искаженными лицами злобно смеялись: 'Беги, беги хоть на край света, ты не сбежишь от моей руки'».

«Цзян Сяо Хэн был таким маленьким, даже размером с ладонь злодея, разница в силе была слишком велика, это было обреченное на поражение состязание, присутствующие зрители не могли вынести зрелища безвременной смерти Цзян Сяо Хэна, и молча опустили головы, проливая слезы».

Белый кот впервые слышал, как он так приукрашивает свои героические поступки, и был ошеломлен.

«Но кто такой Цзян Сяо Хэн? Это тот, кто в будущем будет бить Саньбао и пинать Даобао... мужчина... кот, даже если он сейчас очень слаб, разве несколько непослушных детей могут ему что-то сделать?»

«И вот, когда злые руки злодея потянулись к нему, он ловко развернулся, поднял свои белоснежные острые когти и сильно царапнул злодея по лицу, под крики боли злодея, он ловко подпрыгнул, выскочил из окружения нескольких детей и ушел».

Цзян Хэн поднял голову к небу, его взгляд был глубоким: «С тех пор в мире появилась легенда, люди называли его... шшш!»

Он повернул голову, рыжий кот, который неизвестно когда присел позади него и вылизывал шерсть, замер, и под обвиняющим взглядом Цзян Хэна опустил голову, глядя на его спину.

«Ты ранен».

Цзян Хэн повернул голову и действительно увидел на своей спине царапину, которая неизвестно когда появилась.

Царапина была неглубокой и недлинной, но на худом котёнке она выглядела особенно жутко.

Рыжий кот властно прижал его к земле и без лишних слов начал вылизывать рану, дезинфицируя ее.

Шершавый язык кота касался побелевшей от дождя раны, и это ощущение заставило Цзян Хэна, который собирался бить Саньбао и пинать Даобао, прослезиться.

Белый кот крутился вокруг него: «Ты еще не закончил, как его называют?»

Цзян Хэн снова шикнул, когтями зацепил несколько травинок, говоря дрожащим голосом: «Я...

я еще не придумал, как ты думаешь, если я придумаю себе звучное прозвище?»

Чтобы отвлечься, он начал серьезно думать: «Цветочная Лапа? Черная Спина? Саньбяо — это имя, которое я дал тому полосатому коту, может быть, я присвою его себе... Ой! Больно! Легче, легче...»

Он повернул голову, уставившись на рыжего кота: «На самом деле, Дахуан, ты ведь не рыжий кот, да? У тебя в роду нет сиамской крови?»

Рыжий кот остановился, недоуменно глядя на него.

Цзян Хэн сказал: «Ты такой трудолюбивый, словно филиппинская горничная».

Каждый день он либо вылизывал шерсть, либо собирался ее вылизывать, вылизав себя, он вылизывал других, и Сяо Бай, который бродяжничал два-три дня, был чист, как будто только что с фабрики.

Интеллект котов на самом деле не так высок, даже если они могут общаться, но часто то, что говорит Цзян Хэн, два кота не совсем понимают.

Рыжий кот некоторое время наклонял голову, размышляя, но безрезультатно, и затем снова опустил голову, продолжая вылизывать.

Цзян Хэн: «...»

Хватит, он чувствовал, что действительно хватит.

Сяо Бай начал точить когти на соседнем дереве, Цзян Хэн, прижатый к траве, постепенно онемел от вылизывания. Он рассеянно смотрел вперед, его взгляд был пустым, пока его тело не начало судорожно подергиваться, и он пришел в себя.

Он посмотрел на двух котов и вдруг сказал: «Возможно, мне придется уйти».

Движения двух котов остановились, и наконец белый кот спросил его: «Куда ты идешь?»

Цзян Хэн легкомысленно сказал: «Разве я не говорил раньше? Я собираюсь пойти в университет, в который не успел поступить».

«Сегодня днем я долго шел по улице и нашел автобусную остановку, там есть автобус, который идет в центр города. Я собираюсь сесть на этот автобус до центра города, а там уже придумаю, как добраться до университета».

Сяо Бай сказал: «Это далеко?»

«Для человека недалеко, а для кота, наверное, очень далеко».

Цзян Хэн перевернулся и встал, воспользовавшись случаем, чтобы увернуться от тяжелой любви рыжего кота: «Я посмотрел, люди в приюте очень добрые, и лапа Дахуана почти зажила. После того, как я уйду, вы пойдете в приют, вы оба чистые, они вас точно приютят».

Два кота молчали, Сяо Бай опустил хвост, выглядя немного несчастным.

Наконец, старший рыжий кот нарушил молчание: «Так далеко, ты обязательно должен идти?»

Ночь сгущалась, в марте не было стрекотания насекомых, воздух был очень тихим.

Цзян Хэн растянул губы, изобразив легкую улыбку своей пушистой мордочкой: «Видите, я совсем не подхожу для бродяжничества. Я не могу добывать еду, не могу драться с другими котами, и даже не умею охотиться, всего за неделю я довел себя до такого состояния».

«В университете так много студентов, и все они очень добрые, если я просто упаду на землю, обязательно найдется бесчисленное множество людей, которые принесут мне еду, а может быть, даже отвезут в больницу, чтобы вылечить меня...»

Он утешал двух котов: «Дело не в том, что я не беру вас с собой, просто я собираюсь ехать на автобусе, в автобусе так много людей, если что-то случится, я не смогу убежать».

Рыжий кот опустил голову и снова начал вылизывать кровь, просачивающуюся из раны: «Когда ты собираешься уходить?»

Цзян Хэн высунул язык и лизнул уголок рта, почувствовав привкус крови.

Он сказал: «Завтра утром».

Если он не уйдет сейчас, он боится, что у него действительно не хватит сил уйти.

С течением времени он явно чувствовал, что его тело становится все слабее. Снижение аппетита, вялость, постоянная рвота... Но в отличие от его исхудавшего тела, его живот становился все более раздутым.

Из-за серьезности болезни, когда те несколько непослушных детей стояли позади него, он их не заметил.

Не было никакой битвы Цзян Сяо Хэна со злодеями, была только жалкая попытка Цзян Хэна сбежать, чудом избежав смерти. Если бы он не спрятался в кустах, то сейчас его уже жарили бы на костре.

К середине ночи на небе смутно показались несколько звезд, под темными облаками появилась полная луна.

Мартовский лунный свет был холодным, как лед.

Цзян Хэн свернулся в траве, глядя на полную луну. Луна была все той же луной, только неизвестно, остался ли человек тем же.

Его мысли были погребены в тени лунного света, и он не проронил ни слова даже рыжему коту.

Если бы он действительно хотел притвориться, на улицах было полно людей, почему он должен был ехать так далеко?

Иногда Цзян Хэн сам не знал, хочет ли он пойти в университет, в который не успел поступить, или что-то еще?

Он не смел думать слишком много, и знал, что этот поступок был несколько абсурдным, но в его сердце постоянно что-то подталкивало его.

Подталкивало его пойти и посмотреть.

—

Когда Сун Чжан прибыл в клуб, было уже почти два часа ночи.

Он поправил очки и вошел в дверь клуба. Его глаза были темно-синими, лицо — мертвенно-бледным, что резко контрастировало с энергичными молодыми мужчинами и женщинами на танцполе.

Сегодня дежурил управляющий, он несколько раз видел Сун Чжана и запомнил его лицо, подошел поздороваться: «Господин Сун, добрый вечер».

Сун Чжан поднял глаза и мрачно посмотрел на него: «Я похож на того, кто хорошо проводит время? Где Лу Ичуань? Где этот парень?»

Управляющий сухо рассмеялся: «Лу Гэ в своей обычной комнате».

Сун Чжан поднялся наверх, хорошо зная дорогу, и нашел комнату, о которой говорил управляющий. Как только он открыл дверь, его обдало сильным запахом алкоголя, и он отступил на полшага.

Он несколько секунд настраивался, прежде чем полностью открыть дверь. Как только он вошел, его ноги наткнулись на несколько пустых бутылок из-под вина. Мужчина сидел на стуле спиной к нему, держа в руке бутылку вина, и смотрел через прозрачное окно на танцующих на танцполе мужчин и женщин.

Услышав движение позади себя, Лу Ичуань повернул голову, и, увидев Сун Чжана, поднял бутылку вина в руке.

«Ты пришел».

Сун Чжан отпихнул бутылки под ногами: «Сколько ты выпил?»

«Немного», — равнодушно сказал Лу Ичуань. «Просто выпил немного...»

Сун Чжан: «...»

Кто, черт возьми, выпивает немного, когда на полу лежит дюжина пустых бутылок?

Он сказал: «Лу Ичуань, я советую тебе быть осторожнее, что, если ты однажды действительно сопьешься до смерти?»

Лу Ичуань поднял руку, сделал глоток вина, лениво откинулся на спинку стула, слегка прикрыв глаза.

«Если умру, пожалуйста, отпразднуй это с большой помпой. Не забудь сжечь за меня немного бумажных денег».

Иногда Сун Чжану хотелось зашить ему рот. Он порылся в кармане, достал бутылку и бросил ее ему на колени.

«Лекарство я тебе принес, как обычно, поменял упаковку, положил в коробку из-под витаминов».

Лу Ичуань поставил бутылку вина, поднял упавшую с неба бутылку и посмотрел на нее, растрепанные волосы скрывали выражение его глаз, неизвестно, был ли он пьян или нет.

Видя, что он молчит, Сун Чжан не удержался и выругался: «У тебя что, совсем нет

благодарности? Я целую неделю работал сверхурочно до часу ночи, а потом еще ехал черт знает куда, чтобы привезти тебе лекарство. А ты что? Здесь пьянствуешь и наслаждаешься жизнью».

Он придвинул стул и сел рядом с Лу Ичуанем: «И еще, разве я не давал тебе лекарство совсем недавно? Месячная доза, а прошло всего полмесяца, как оно уже закончилось?»

Его лицо было серьезным: «Лу Ичуань, скажи мне, ты что, тайно увеличил дозу за моей спиной?»

Лу Ичуань убрал лекарство, наклонил голову и немного подумал: «Разве? Я не помню».

Сун Чжан: «...»

«Смотри! Смотри! Ты говоришь как человек? Что значит, не помнишь? Не мог бы ты, пожалуйста, больше внимания уделять своему здоровью?!»

Лу Ичуань наклонился и потянулся за бутылкой вина. Увидев, что она пуста, он небрежно вытащил сбоку новую.

Он ловко открыл бутылку, запрокинул голову и сделал глоток, его кадык двигался, что резко отличало его от того нежного и выдающегося старшего брата, каким он был днем.

«Заботиться? Я ведь очень забочусь, хорошо ем, хорошо пью, наслаждаюсь жизнью».

Закончив, он опустил голову и тихонько рассмеялся: «Доктор Сун, после того, как доставишь лекарство, иди скорее отдыхать, или ты хочешь остаться и напиться со мной?»

Сун Чжан, с синяками под глазами, закатил глаза: «Значит, я тот самый несчастный доктор из романа про генерального директора? Прихожу по первому зову, а потом меня выбрасывают?»

Лу Ичуань рассмеялся, поднял бутылку вина: «Спасибо, как-нибудь угощу тебя ужином».

Сун Чжан наклонился и выхватил бутылку из его руки: «Пей меньше, если будешь так пить, то действительно умрешь».

Ладонь внезапно опустела, Лу Ичуань сжал пальцы, затем убрал руку, лениво развалившись: «Как хорошо умереть, не придется тебе обо мне беспокоиться».

Сун Чжан уставился на него, открыл рот и снова закрыл, наконец, лишь беспомощно вздохнул: «Прошло уже четыре года».

Мужчина, лежавший рядом с ним, поднял руку, прикрыл глаза и тихонько вздохнул: «Оказывается, прошло уже четыре года...»

Отдельные комнаты наверху были не очень звукоизолированы, и снизу периодически доносилась бешеная музыка. На танцполе мигали огни, и когда ритм достигал апогея, некоторые даже обнимались и целовались.

Смешались хаос и возбуждение.

А наверху был только горький вкус вина.

«Лу Ичуань...» — медленно сказал Сун Чжан, — «Люди должны двигаться вперед, прошло уже четыре года, до каких пор ты будешь так унывать?»

Свет безмолвно мигнул, Лу Ичуань повернул голову и кашлянул: «Доктор Сун, с чего вы это взяли? Я недавно с моим научным руководителем опубликовал статью в журнале, семинары, диссертации, работа, ничего не пропустил, почему в ваших глазах это уныние?»

Сун Чжан холодно усмехнулся: «Ха! Тогда скажи, ты хорошо изучал экономику, почему в последний момент решил поступать на эту чертову философию?»

«Возможно, потому что я глубоко люблю философию».

«Любишь, черт возьми, ты в университете даже не знал, кто такой Фейербах, а мне говоришь, что любишь философию?»

«...»

Лу Ичуань беспомощно взглянул на него: «Что ты хочешь мне сказать?»

При свете его лицо было бледным, без единой кровинки.

Слова упрека Сун Чжана тут же застряли в горле. Долгое время он вздыхал: «Ты не берешь трубку, Цзян Синбай звонил мне, через пару дней у него день рождения, он попросил меня тебе передать».

Лу Ичуань лениво ответил, не придав этому особого значения.

Сун Чжан не удержался и сказал: «Не будь таким. Потому что... он был очень осторожен в своих словах в последние годы, боясь случайно затронуть чьи-то болезненные воспоминания. В конце концов, ни одно из этих событий не имеет к нему отношения, он жертва, не обращай с

ним так...»

Лу Ичуань сменил позу: «Разве я недостаточно хорошо к нему отношусь? Мало денег ему давал? Или мало подарков дарил?»

Сун Чжан: «Ты же знаешь, я не об этом...»

«Сун Чжан», — прервал его Лу Ичуань, — «Ты хочешь услышать правду?»

Сун Чжан опешил.

Затем он услышал, как мужчина рядом с ним усмехнулся, его голос был мягким и низким.

«Честно говоря, как только я его вижу, мне хочется, чтобы он умер».

«С трех до восемнадцати лет я сам праздновал дни рождения Жунжуна, его так называемые родители даже не поздравили его в день рождения. Теперь, когда Цзян Синбай вернулся, они чувствуют себя виноватыми перед ним, поэтому они пытаются компенсировать ему недостаток любви».

«Все думают, что он отнял любовь, которая изначально принадлежала Цзян Синбаю, но он же восемнадцать лет не получал никакой любви, откуда же тогда взяться вине?»

«Он им ничего не должен, если уж говорить о долге...»

То это долг ему.

Пока мужчина говорил, он вдруг облокотился на подлокотник и закашлялся, его кашель становился все сильнее и глубже, словно он собирался выкашлять все свои внутренности.

В конце концов он вытащил мусорное ведро и его вырвало.

Сун Чжан испугался, взял стакан воды и встал рядом, похлопывая его по спине: «Ты в порядке?»

От Лу Ичуаня пахло алкоголем, но его лицо было бледным, как бумага, он вытащил салфетку и вытер руки: «Все хорошо».

«Хорошо, черт возьми!» — выругался Сун Чжан, — «В мусорном ведре я видел кровь, и это называется хорошо?»

Лу Ичуань взял стакан, прополоскал рот, безразлично усмехнулся: «Все равно не умру».

Он поставил стакан, встал и взял брошенное в сторону пальто: «Пошли, вернемся и примем душ».

Видя, что он шатается, Сун Чжан по-матерински подошел и поддержал его: «Я ничего не говорю, но зачем ты купил этот низкопробный клуб? В комнате даже нет душевой, ремонт ужасный, мне стыдно даже приходить сюда за тобой».

Мужчина, закрыв глаза, прислонился к его плечу, неизвестно, уснул ли он.

Сун Чжан: «...»

Он вывел его из клуба, поставил на обочине у большого дерева, чтобы тот прислонился к нему: «У тебя в этом чертовом месте даже парковки нет, я припарковал машину в соседнем торговом центре, я пойду за машиной, ты подождешь меня здесь, хорошо?»

Лу Ичуань отпустил руку, которая лежала на его плече, слегка прислонился к дереву, слегка приподняв подбородок: «Иди».

Сун Чжан: «...»

Я что, твой слуга?!

Но он все равно пошел.

Время постепенно приближалось к середине ночи, на дороге было мало людей и машин, дующий ветер все еще был холодным, луна тихо висела.

От холодного ветра Лу Ичуань немного протрезвел, в желудке тянуло, но он не обратил на это внимания, просто смотрел на луну в небе.

Луна была все той же луной, и четыре года назад, и четыре года спустя, кажется, ничего не изменилось.

Он порылся в кармане пальто, достал сигареты и зажигалку.

Длинные тонкие пальцы держали тонкую сигарету, алое пламя мерцало на ветру, Лу Ичуань посмотрел на небо, дым застилал его лицо, и в туманной дымке света и тени он улыбнулся, приподняв уголки губ.

Это хуже, чем плакать.

—

<http://bllate.org/book/14493/1282696>